

УДК 314.728

Л.Б. Карачурина¹, Н.В. Мкртчян²

ВНУТРЕННЯЯ ДОЛГОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ

Ставится под сомнение тезис о низкой миграционной активности населения России во внутри-страновых переселениях в сравнении с зарубежными странами. Анализируются причины, которые препятствуют прямому сравнению данных по внутренней миграции в России и других странах. В основном они связаны с различиями в размерах единиц административно-территориального деления и неодинаковостью в подходах к определению внутристрановой миграции. На основе данных о миграции в 2013–2014 гг. в России и ряде стран с развитой миграционной статистикой делается вывод, что различия есть, Россия отстает от стран-лидеров примерно вдвое, но она превосходит ряд стран, прежде всего – восточной и южной Европы – по показателю интенсивности миграции.

Анализ потоков внутренней миграции по возрасту показывает, что в целом у России и развитых стран наблюдается сходство возрастных профилей миграции. Однако в России пик для возраста 15–29 лет, в отличие от других сравниваемых стран, выражен более сильно и смещен к наиболее молодым возрастам. Это связано с большей сжатостью в жизненном пути социально-демографических событий, которые ведут к миграционным перемещениям. В остальных возрастах отличия возрастного профиля миграции в России от других стран, против наших ожиданий, невелики.

Ключевые слова: внутренняя миграция, межстрановые сравнения, интенсивность миграции, возрастная структура мигрантов.

Введение. Принято считать, что миграционная активность населения в России существенно ниже, чем в других странах [Andrienko, Guriev, 2004; Bell et al., 2015]. Этот тезис получил отражение и в официальных документах стратегического характера³. Используя данные российской статистики и доступные статистические источники о миграции в развитых странах, мы попытались проработать этот вопрос несколько глубже.

Рассмотрим долгосрочную миграцию, то есть переселения сроком на один год и более, данные о которой публикуются статистическими ведомствами и включаются в баланс численности населения стран и их территориальных единиц. Проанализируем миграцию в пределах стран; в России это межрегиональные и внутрирегиональные перемещения, в других странах критерии иные, но сделаем попытку, по возможности, обеспечить их сопоставимость.

В России число фиксируемых статистикой внутристрановых миграционных перемещений растет, начиная с 2011 г., когда были внесены серьезные изменения в процедуры статистического учета миграции. Стали фиксироваться перемещения, сопровождающиеся регистрацией по месту пребывания на срок 9 месяцев и более (3 месяца можно пребывать без регистрации, в итоге получается срок не менее одного года), тогда как до этого фиксации подлежали только переселения, сопровождающиеся сменой регистрации по месту жительства. С 2013 г. число внутрироссийских миграций превыси-

ло 4 млн человек и продолжает находиться на близком к этому уровне. Формально миграционная активность в России вернулась на уровень конца 1980-х гг. Сокращение объемов переселений в 1990–2000-е гг. в немалой степени было вызвано трансформацией системы учета миграции – заменой прописки регистрацией по месту жительства и пребывания, а также вытеснением долгосрочной (постоянной) миграции временными формами пространственной мобильности [Моисеенко, 2004].

Проведение корректного межстранового анализа внутренней миграции является сложной задачей и неизменно сталкиваются с рядом труднопреодолимых препятствий. Во-первых, в рассматриваемых странах источники статистических данных о миграции принципиально различны. Например, в Канаде они получаются из данных обследований домохозяйств, в Скандинавских странах, Германии и Великобритании – из регистров населения. Также используются данные переписей, в ряде стран (Франция, Новая Зеландия) они являются практически единственным источником, однако и сами методики проведения переписей различны. Таким образом, все названные источники предоставляют данные, не вполне сопоставимые по конкретным показателям, характеризующим мобильность, и обладающие разной периодичностью.

Во-вторых, в каждой из стран приняты свои критерии отнесения пространственных перемещений к миграции. Во многих европейских странах к

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кафедра демографии, доцент, канд. геогр. н.; e-mail: likaratc@mail.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт демографии, вед. науч. с., канд. геогр. н.; e-mail: mkrtchan2002@rambler.ru

³ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Указом Президента РФ 13 июня 2012 г.

миграции может быть причислена любая смена места проживания, в том числе произошедшая в пределах самой малой территориальной единицы. Подобные перемещения называются жилищной мобильностью (Residential mobility) [Geist, McManus, 2008] и по масштабам превосходят собственно миграцию. В ряде небольших европейских стран (например, в Дании, Исландии) статистика миграции учитывает перемещения в границах общин, число которых достигает нескольких тысяч; в США они включаются в общее число перемен места проживания, но их можно вычленировать. В статистике миграции Великобритании учитываются перемещения между отдельными частями крупных городов, представляющих собой самостоятельные статистические единицы. В России все эти пространственные перемещения не являются миграцией. То есть само понятие внутренней миграции не является универсальным, его основные признаки не вполне сопоставимы с используемыми в российской статистике.

В-третьих, территориальные единицы, между которыми осуществляются миграционные перемещения, трудносравнимы по разным странам по территориальным уровням представления статистической информации. В частности, не во всех странах публикуются сведения отдельно по миграции между крупными территориями (землями, краями, воеводствами, провинциями – аналогами 85 российских регионов), и между территориями более низкого таксономического уровня (графствами, районами, муниципалитетами, которые могут быть уподоблены российским городским округам и муниципальным районам). Но даже если аналогии можно установить, сложно учитываемым фактором остается сеть административных образований: чем больше в стране территориальных единиц одного уровня, меньше их площадь и расстояние между ними, тем потенциально больше масштабы учитываемой внутренней миграции.

Размеры территории РФ делают межрегиональную миграцию несопоставимой с перемещениями между аналогичными по уровню территориальной иерархии, но существенно (часто – на порядок и более) меньшими по площади территории регионами, в целом ряде стран Европы, Японии. Например, проблематично сравнение межрегиональной миграции в России с переселениями между уездами Эстонии, здесь более подходит сравнение с миграцией в пределах регионов. И не только Россия, но и многие другие страны по объемам внутренней миграции оказываются взаимно трудно сопоставимыми.

Усилия по гармонизации данных по внутренней миграции и поиска приемлемых параметров для сравнения предпринимались неоднократно [например, Bell и Muhidin, 2009]. В последней попытке сопоставления стран по интенсивности внутренней миграции на данных переписей раундов 2000–2010 гг. [Bell et al., 2015] сравнивались так называемые «национальные интенсивности миграции». Согласно

получившимся оценкам, по числу учтенных переездов переселений, равному 2% населения ежегодно, Россия находилась в группе стран с наиболее низким значением этого показателя, наряду с рядом других восточноевропейских государств (Словенией, Украиной, Румынией, Польшей). Из рассмотренных стран наибольшие относительные объемы миграции были зафиксированы в Исландии (19%), Финляндии (16%), Дании, США, Австралии и Швеции (14–15%).

Данные и методы исследования. Мы попытались сопоставить частоту (интенсивность) внутренней миграции в отдельных развитых странах на уровне крупных (ранга субъектов РФ, штатов США, земель, провинций, округов и т. п.), а также средних и малых (ранга административных районов, графств, муниципалитетов и т. п.) территорий. Используются наиболее свежие (2013–2014 гг.) показатели, публикуемые национальными статистическими ведомствами. По ряду стран данные о внутренней миграции получены на основе переписей и обследований, поэтому мы также использовали для сравнения не только российские данные текущего учета, но и результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010), а также данные, полученные при разработке вопроса о месте проживания за один год до переписи.

Анализируется как общий объем миграции, так и распределение мигрантов по возрасту, но список стран, по которым доступна подобная информация, не так широк. Исследовательское предпочтение было отдано странам, сопоставимым с Россией по численности населения или хотя сколько-нибудь – по территории. Для оценки корректности сопоставлений изучались методические комментарии, размещенные на сайтах национальных статистических ведомств.

Результаты и обсуждение. Субъекты РФ, городские округа и муниципальные районы России не вполне соответствуют территориям соответствующего уровня (NUTS⁴-2, 3 или иным) в зарубежных странах. В среднем регионы России по площади территории уступают только штатам и территориям Австралии, провинциям и территориям Канады (табл. 1). По численности населения субъекты РФ, напротив, уступают многим сопоставимым регионам соответствующего ранга в других странах.

Еще более значимы различия по территории и населенности – на следующем иерархическом уровне. Здесь они могут достигать более чем двух порядков (например, по площади территории – между Россией и Германией).

Полученные в результате этих примерных сопоставлений данные показывают, что по показателям общей интенсивности внутренней миграции Россия уступает целому ряду стран. Интенсивность внутренней миграции в США, Великобритании и Австралии выше, чем в России, и это при условии, что численность населения как крупных, так и более мелких регионов в этих странах превосходит российскую. Поэтому даже различия в подходах к категоризации

⁴ Nomenclature of Units for Territorial Statistics – стандарт территориального деления стран для статистических целей.

Таблица 1

**Сравнительная характеристика регионов и интенсивности внутренней миграции
в России и других странах, 2013–2014 гг.**

Страна, год	Население (в среднем), тыс. человек		Территория (в среднем), тыс. км ²		Интенсивность миграции, на 1000 человек	
	крупные регионы	средние и малые регионы	крупные регионы	средние и малые регионы	крупные регионы	крупные, средние и малые регионы*
Австралия, 2013/2014	2905,9	70,9	960,9	23,4	15,0	78,7
Австрия, 2014	945,2	85,1	9,3	0,8	12,8	34,1
Великобритания, 2013/2014	5359,0	145,2	20,3	0,6	21,2	48,8
Германия, 2013	5047,9	7,2	22,3	0,032	13,7	47,6
Дания, 2014	1125,4	56,8	8,6	0,4	9,3	53,7
Испания, 2014	2448,0	788,3	26,6	8,6	7,7	10,0
Италия, 2014	3039,2	552,6	15,1	2,7	8,9	21,6
Канада, 2014	2511,0	–	713,2	–	8,0	24,1***
Нидерланды, 2013	4207,3	38,0	10,4	0,1	8,7	36,5
Норвегия, 2014	729,7	11,9	55,1	0,9	18,1	46,6
Польша, 2014	2376,1	–	19,5	–	–	10,6 (27,7****)
Россия, 2014	1730,9	61,4	205,7	7,3	13,8	28,2
Словакия, 2014	1354,0	–	12,2	–	14,1	–
США, 2014	6277,3	102,0	183,8	3,0	21,7	43,0
Финляндия, 2014	–	17,1	–	1,1	–	49,3
Чехия, 2013	1314,0	136,5	9,9	1,0	7,1	12,4
Швейцария, 2014	–	313,1	–	1,6	–	43,1
Эстония, 2014	–	82,3	–	2,8	–	11,6
Япония, 2014**	1788,5	–	5,3	–	17,8	38,7

*Соответствует российскому показателю миграции «в пределах России»; **число средних и малых регионов страны, между которыми учитывается миграция, неизвестно; ***авторская оценка на основе данных переписи 2006 г., источник: [Amirault et al., 2013]; ****с учетом зарегистрированных на срок три месяца и более.

Источники: данные национальных статистических органов соответствующих стран.

миграции (например, учет миграции между отдельными муниципалитетами в пределах крупных городов) не может повлиять на сравниваемые межстрановые показатели радикальным образом.

Однако относительно других стран различия в интенсивности внутренней миграции в России не так очевидны. Так, межрегиональная миграция в России практически соответствует межземельной в Германии, при этом численность населения земель в разы больше, чем в среднем у субъектов РФ, а площадь – меньше. В то же время площади территории на уровне городов и муниципальных районов и общин Германии малосопоставимы, российские заметно крупнее. В Японии префектуры по численности населения соответствуют российским областям и краям, но по площади территории уступают им в 40 и более раз; этим может в значительной мере определяться более высокие миграционные показатели в этой стране. При прочих равных условиях, на более плотно заселенной территории миграционные перемещения должны быть более интенсивны, так как большинство мигрантов движутся на небольшие расстояния, что было подмечено еще Е. Равенштейном [Ravenstein, 1885] и вновь показано в современных работах [Kalogirou, 2005].

Отдельные данные по Канаде на «низовом» уровне (графства, округа) для 2014 г. в открытом доступе отсутствуют, поэтому не включены в рассмотрение. Однако значимость данной страны для сравнения с Россией представляется большой, поэтому мы воспользовались для оценки материалами переписи населения Канады 2006 г., а также итогами обследования домохозяйств 2011 г. По данным переписи соотношение внутри- и межпровинциальной миграции составляло 2 к 1 [Amirault et al., 2013], результаты этой оценки приведены в табл. 1. Такая пропорция внутри- и межпровинциальной миграции – закономерное следствие больших размеров канадских провинций. Исходя из вышеприведенных соотношений, можно осторожно оценить масштабы миграции в Канаде между и внутри провинций (суммарно) в 800–850 тыс. человек, что соответствует 24 переселениям на 1000, то есть немного меньше, чем в России. По данным обследований домохозяйств Канады 2011 г., за год, предшествующий обследованию, сменили место жительства 39,6 человека на 1000⁵, при этом соотношение внутри- и межпровинциальных миграций составило 4,6 к 1, что существенно отличается от данных Amirault с соавт. [2013] – возможно, здесь в число внутрипровинциальной миг-

⁵ Лица, проживающие за год до проведения обследования за пределами страны (8,8 на 1000 населения), исключены.

рации включена жилищная мобильность. Если принимать за основу для сравнения эти данные, получается, что мобильность в Канаде на треть больше, чем в России, но меньше, чем в США.

Помимо оценки общих масштабов внутренней миграции, целесообразно сопоставить Россию с другими странами по ее возрастному профилю. Жизненный путь человека в отдельных странах различается, наступление важнейших социальных и демографических событий (начало и завершение получения образования, вступление в брак, выход на пенсию и т. п.) имеет возрастную специфику в разных обществах. Соответственно, миграция, приуроченная к этим событиям, также может иметь особенности, проявляющиеся в возрастных «пиках» и спадах ее показателей [Plane, Heins, 2003; Clark, Withers, 2007; Kley, 2011].

В России выраженный пик миграции приходится на 15–29 лет, в этом возрасте совершается, по данным текущего учета, около 40% переселений, по данным ВПН-2010 г. даже 50%. После этого возраста миграционная активность резко снижается. В детских возрастах участие в миграции примерно соответствует миграционной активности 30–40-летних – их гипотетических родителей, что естественно, ведь дети не участвуют в миграции самостоятельно.

Мы проанализировали данные по возрастной интенсивности миграции в 14-ти странах, для которых удалось собрать необходимую информацию. Интенсивность участия в миграции между регионами стран, примерно соответствующими рангу субъекта РФ, представлена в табл. 2. Видно, что почти в каждой из стран пик миграции, как и в России, приходится на возраст 15–29 лет, в других возрастных группах переселения существенно более редки. Наиболее сглаженный профиль имеет миграция между штатами США, а также в тех европейских странах, где миграционная активность населения в целом меньше, чем в России. В странах, где общая интенсивность миграции больше российской, пик молодежной миграции выражен примерно так же, как в России (Германия) или еще более явно (Швеция, Япония). При существенных различиях в общей интенсивности миграции между странами, именно в молодых возрастах показатели наиболее дифференцированы: разница в интенсивности миграции в возрасте 15–29 лет составляет в анализируемой группе стран 10 раз (между Швецией и Словакией), в то время как в остальных возрастах – в 3–3,5 раза.

Сравнение России и ряда крупных стран по пятилетним возрастным группам (рис.) показывает, что возрастной профиль миграции в России имеет остроконечный пик в возрасте 15–19 лет во внутрирегиональной миграции и существенно более сглаженный – в 15–24 лет – в межрегиональной. В других рассмотренных странах он сдвинут примерно на 5 лет к более старшим возрастам. Во многих странах интенсивность практически не различается между возрастными 20–24 и 25–29 лет, формируя своеобразное «плато». В России к 25–29-летнему интервалу наблюдается сильный спад миграционной

Таблица 2

Интенсивность внутренней межрегиональной миграции в России и других странах, 2014 г., на 1000 человек населения в соответствующей возрастной группе

Страны	0–14 лет	15–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Австрия	9,5	21,3	11,1	2,8
Германия	10,3	37,1	15,0	4,5
Испания	6,1	12,9	10,3	4,0
Канада*	6,3	13,5	7,6	3,3
Польша	15,1	16,1	12,4	4,3
Польша, зарегистрированные на 3 месяца и более	20,2	31,4	16,8	8,3
Россия	11,4	26,7	14,2	6,4
Словакия	7,4	6,3	6,0	2,5
США	17,8	24,7	18,6	8,8
Чехия**	11,3	11,5	9,2	3,4
Швеция	14,5	63,5	20,8	7,1
Япония	15,7	50,8	22,4	4,8

*2011 г., **2013 г.

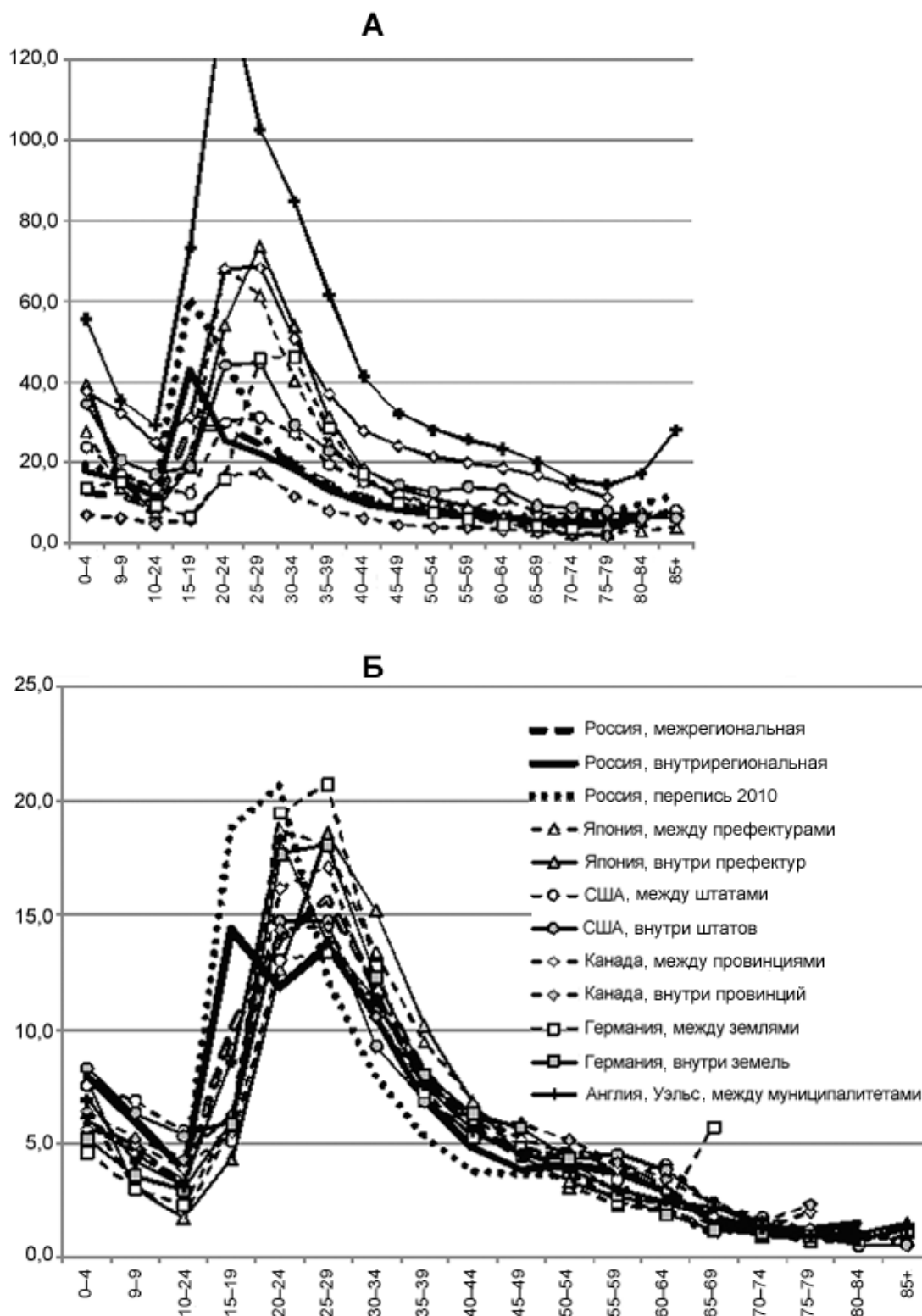
Источники: данные национальных статистических органов соответствующих стран.

активности. Имеющиеся данные не позволяют четко отделить непосредственно миграцию и жилищную мобильность, которая явно присутствует, например, в Англии и Уэльсе; считаем, что она больше влияет на общую интенсивность перемещений, но принципиально не меняет возрастные профили миграции.

Долевое распределение мигрантов по возрасту (рис., Б) нивелирует различия в миграционной активности между странами. Смещение пика в России к группе 25–29 лет и общее его сглаживание объясняется размерами когорт населения (рождения 1980-х и 1990-х гг.). Но и с учетом малого размера когорты 15–19 лет, видно, что в этом возрасте мигрантов в России сравнительно больше, чем в других странах.

Более ранний пик миграционной активности в России формируется, по-видимому, благодаря сравнительно раннему началу получения профессионального образования и связанному с ним первого самостоятельного переезда (17–18 лет, а для среднего профессионального образования – еще более ранний возраст), и в целом большей концентрации социальных и демографических событий в наиболее молодых возрастах. В других странах сам процесс получения образования и в целом модели взросления более диверсифицированы [Sage et al., 2013; Clark, Withers, 2007; McDonald, Evans, 2003].

Во всех рассмотренных странах имеет место сокращение миграционной активности в детских возрастах от 0–4 до 10–14 лет – в школьных возрастах она везде меньше, чем в дошкольных; это напрямую связано с фазами жизненного пути семей: повсеместно переезды чаще приходятся на время создания семей и рождения детей, или когда дети еще малы. С возрастом спад миграционной активности идет синхронно во всех странах, значимых пиков, связанных с выходом на пенсию, практически

Внутристрановая миграция в России и других странах по возрастным группам, 2014 г. (А – на 1000 человек населения; Б – % от общего числа мигрантов в соответствующем потоке). Источники: данные национальных статистических органов соответствующих стран

Inner migration in Russia and other countries by age groups, 2014 (A – by 1000 inhabitants; Б – percentage of the total number of migrants in the corresponding flow). Sources: national statistical data of the countries

ки не наблюдается, за исключением небольшого роста интенсивности миграции между штатами США в возрасте 60–64 года, и внутри штатов в возрасте 55–64 года. Небольшое возрастание интенсивности миграции в этих возрастных группах (на 1–2%, что, конечно, несопоставимо с молодежными

пиками), не имеет аналогов в других рассмотренных нами странах.

Сравнение интенсивности миграции в возрасте 60–64 года в России и других странах показывает, что отличий здесь меньше, чем в молодых возрастах, и они примерно такие же, какие выявились меж-

ду странами по показателю общей миграционной активности. Значимо более высокая интенсивность миграции в этой группе наблюдается только в США (примерно в 2 раза выше, чем в России, таковы различия и в целом между странами). Существенно больше миграция в этом возрасте также внутри провинций в Канаде и Германии, но при этом между провинциями активность переселений в пожилых возрастах вдвое уступает российской.

Выводы:

– представленные данные показывают, что миграция в России немного интенсивнее, чем в Италии, Испании, Чехии и Польше, хотя внутренние территории этих стран также плохо сопоставимы с российскими – их площадь меньше, а население – больше. С целым рядом стран сопоставлять Россию сложно уже в силу их размера, равного или даже меньшего, чем отдельные субъекты РФ; кроме того, миграции в них фиксируются между территориями очень низкого уровня, чаще всего – общинами, что совершенно не соответствует статистико-критериальным подходам к миграции, используемым в России и ряде других стран (например, Польши, Испании);

– несмотря на не вполне приемлемую межстрановую сопоставимость, внутренняя миграция в России не настолько низка, как долгое время было принято считать. Даже со странами – лидерами по интенсивности миграции, разница составляет примерно два раза, а не на порядки. В то же время, мы не можем судить о внутримunicipальной мобильности, переселениях в пределах городов, в том числе жилищных, которые в России к миграции не относятся и учет их в этом качестве не производится;

– дополнительную весомость произведенным межстрановым сравнениям придает анализ распределения внутренней миграции по возрастным группам. Выявленное сходство возрастной интенсивности

миграции между странами показывает, что в целом мы имеем дело с вполне сопоставимыми показателями, характеризующими общую миграционную активность. Вопросы вызывают данные по отдельным странам Восточной Европы (Чехия, Словакия, Польша), в которых и общий показатель миграционной активности существенно меньше, чем в России, и возрастной профиль миграции не имеет выраженного пика. Возможно, в этих странах миграция недоучитывается, прежде всего – в молодых возрастах, как это имело место в России в недавнем прошлом (в 1990–2000-е гг.) [Чудиновских, 2004; Мкртчян, 2009], но этот вопрос требует более детального изучения;

– в России пик миграционной активности, приходящийся на наиболее молодые трудоспособные возрасты, связан с ранними возрастами старта получения профессионального образования и возрастной однотипностью моделей взросления. Можно ожидать, что продолжающаяся модернизация демографического поведения, выражающаяся в увеличении возраста вступления в брак, рождения детей, увеличении вариации ценностных предпочтений будет способствовать дестандартизации наступления важнейших демографических и социальных событий и миграционная активность будет постепенно смещаться к более зрелым возрастам;

– наиболее интересным представляется результат, что миграционное поведение лиц старших («колонизионных») возрастов в России мало отличается от такового в развитых странах. Причины и факторы этих переселений, преодолеваемые расстояния, возможно, различаются гораздо более существенно, чем сама интенсивность миграции. Этот сюжет, однако, до настоящего момента никак не изучался в России, но является едва ли не самой популярной «миграционной» темой в зарубежных исследованиях.

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках проекта «Тенденции демографического развития России в 2005–2015 гг. в контексте долговременных демографических трендов» Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2016 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мкртчян Н. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. 2009. № 11. С. 149–164.
- Моисеенко В. Внутренняя миграция населения. М.: ТЭИС, 2004. 285 с.
- Чудиновских О. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. № 10. С. 27–36.
- Andrienko Y., Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia: evidence from panel data // Economics of Transition. 2004. № 12(1). P. 1–27.
- Amirault D., de Munnik D., Miller S. Explaining Canada's Regional Migration Patterns. Bank of Canada Review. 2013. Spring. <http://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2013/05/boc-review-spring13-amirault.pdf> (дата обращения: 12.05.2016)
- Bell M., Muhidin S. Cross-National Comparison of Internal Migration. UNDP. Human Development Reports. Research Paper 2009/30. July 2009.
- Bell M., Charles-Edwards E., Ueffing P., Stilwell J., Kupiszewski M., Kupiszewska D. Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World // Population and Development Review. 2015. № 41(1). P. 33–58.
- Clark W., Withers S. Family migration and mobility sequences in the United States: Spatial mobility in the context of the life course // Demographic Research. 2007. № 17(20). P. 591–622. DOI: 10.4054/DemRes.2007.17.20.
- Geist C., McManus P. Geographical Mobility over the Life Course: Motivations and Implications // Population, Space and Place. 2008. № 14. P. 283–303. DOI: 10.1002/psp.508.
- Kalogirou S. Examining and Presenting Trends of Internal Migration Flows within England and Wales // Population, Space and Place. 2005. № 11. P. 283–297. DOI: 10.1002/psp.376.
- Kley S. Explaining the Stages of Migration within a Life-course Framework // European Sociological Review. 2011. № 27(4). P. 469–486. DOI:10.1093/esr/jcq020.

McDonald P., Evans A. Negotiating the Life Course: Changes in individual and family transitions. Negotiating the Life Course Discussion. Melbourne: Australian Institute of Family Studies Conference, 2003. 32 p.

Plane D., Heins F. Age articulation of U.S. inter-metropolitan migration flows // *The Annals of Regional Science*. 2003. N 37. P. 107–130.

Ravenstein E. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. V. 48. N 2. P. 167–235.

Sage J., Evandrou M., Falkingham J. Onwards or Homewards? Complex Graduate Migration Pathways, Well-being, and the 'Parental Safety Net' // *Population, Space and Place*. 2013. N 19. P. 738–755. DOI: 10.1002/psp.1793.

Поступила в редакцию 01.06.2016

Принята к публикации 09.12.2016

L.B. Karachurina¹, N.V. Mkrtchyan²

LONG-TERM INTERNAL MIGRATION OF POPULATION IN RUSSIA AND OTHER COUNTRIES

The article questions the idea of low migration activity of the Russian population in terms of the in-country resettlement in comparison with foreign countries. Reasons preventing a direct comparison of data on internal migration in Russia and other countries are analyzed. They are related to differences in the size of units of administrative and territorial division and diversity in approaches to the definition of in-country migration. Based on 2013–2014 migration data of it was concluded that Russia and several countries with advanced migration statistics differ substantially. Russia lags behind the leading countries about twice. However, it overpasses other countries, especially of eastern and southern Europe, in terms of migration intensity.

Analysis of internal migration flows by age shows that, in general, Russia and other developed countries have similar age migration profiles. In contrast to other comparable countries, the Russian peak at the age of 15–29 years is more clearly defined and biased to the youngest age. It results from a greater briefness of socio-demographic events, which leads to migration movements. Contrary to our expectations the differences between the age profile of migration in Russia and other countries in the rest of the age groups are not great.

Key words: Internal migration, cross-country comparisons, the intensity of migration, age structure of migrants.

Acknowledgements. The study was carried out under the project Trends of the demographic development of Russia in 2005–2015 in the context of long-term demographic trends (NRU HSE 2016 Program of fundamental research).

REFERENCES

Amirault D., de Munick D. and Miller S. Explaining Canada's Regional Migration Patterns. Bank of Canada Review. 2013. Spring. <http://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2013/05/boc-review-spring13-amirault.pdf> (Adressed: 12.05.2016)

Andrienko Y., Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia: evidence from panel data // *Economics of Transition*. 2004. № 12(1). P. 1–27.

Bell M., Charles-Edwards E., Ueffing P., Stillwell J., Kupiszewski M., Kupiszewska D. Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World // *Population and Development Review*. 2015. № 41(1). P. 33–58.

Bell M., Muhidin S. Cross-National Comparison of Internal Migration. UNDP. Human Development Reports. Research Paper 2009/30. July 2009.

Chudinovskikh O. O kriticheskom sostojanii ucheta migracii v Rossii [On the critical state of migration accounting in Russia], *Voprosy statistiki*, 2004, № 10. P. 27–36 (in Russian).

Clark W., Withers S. Family migration and mobility sequences in the United States: Spatial mobility in the context of the life course // *Demographic Research*. 2007. № 17(20). P. 591–622. DOI: 10.4054/DemRes.2007.17.20

Geist C., McManus P. Geographical Mobility over the Life Course: Motivations and Implications // *Population, Space and Place*. 2008. № 14. P. 283–303. DOI: 10.1002/psp.508.

Kalogirou S. Examining and Presenting Trends of Internal Migration Flows within England and Wales // *Population, Space and Place*. 2005. № 11. P. 283–297. DOI: 10.1002/psp.376.

Kley S. Explaining the Stages of Migration within a Life-course Framework // *European Sociological Review*. 2011. № 27(4). P. 469–486. DOI:10.1093/esr/jcq020.

McDonald P., Evans A. Negotiating the Life Course: Changes in individual and family transitions. Negotiating the Life Course Discussion. Melbourne: Australian Institute of Family Studies Conference, 2003. 32 p.

Mkrtchyan N. Migracionnaya mobil'nost' v Rossii: ochenki i problemy analiza [Migration mobility in Russia: estimates and problems of the analysis], SPERO, 2009, № 11. P. 149–164 (in Russian).

Moiseenko V. Vnutrennjaja migracija naselenija [Internal migration of the population]. M.: TJeIS, 2004. 285 p. (in Russian).

Plane D., Heins F. Age articulation of U.S. inter-metropolitan migration flows // *The Annals of Regional Science*. 2003. № 37. P. 107–130.

Ravenstein E. The Laws of Migration // *J. the Statistical Society of London*. 1885. V. 48. No. 2. P. 167–235.

Sage J., Evandrou M., Falkingham J. Onwards or Homewards? Complex Graduate Migration Pathways, Well-being, and the 'Parental Safety Net' // *Population, Space and Place*. 2013. № 19. P. 738–755. DOI: 10.1002/psp.1793.

Received 01.06.2016

Accepted 09.12.2016

¹ National Research University Higher School of Economics, Department of Demography, Associate Professor, PhD. in Geography; e-mail: likaratc@mail.ru

² National Research University Higher School of Economics, Institute of Demography, Leading Research scientist, PhD. in Geography; e-mail: mkrtchan2002@rambler.ru